

Религия как предмет изучения профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Представляется несомненным, что в последнее время в русском обществе возник и стал развиваться интерес к изучению явлений религиозного характера. На книги, говорящие о религии или религиях, явился спрос. Такого рода спрос от всей души должно приветствовать и всеми силами стремиться его удовлетворять, но, к сожалению, этому спросу доселе отвечает очень неудовлетворительное предложение: книги и статьи¹ (преимущественно переводные), появившиеся у нас, не столько могут обогатить православного читателя, сколько внести путаницу в его представления о ходе религиозного развития человечества, они гораздо более знакомят с рационалистическими гипотезами относительно религий, чем с действительной историей последних. Несомненно, этим книгам и статьям православные богословы должны противопоставить труды, которые направили бы читателей на истинный путь, способствовали бы выработке правильного взгляда на религию и на ее судьбы и дали бы твердые основания для такого взгляда. Задача эта – далеко не легкая, она не может быть выполнена усилиями одного человека и усилия многих не скоро и нелегко могут подвинуть ее разрешение. Тем не менее, нужно приступить к ее выполнению. Для выполнения всякой научной задачи нужны не только труд и время, но и метод, нужно установить некоторые руководящие точки зрения, иначе самые усердные занятия останутся малопродуктивными. Как заниматься с успехом? Заниматься так, чтобы с наименьшей затратой сил достигать наибольших результатов? Высказать по поводу этого несколько соображений мы и желаем.

Нельзя сказать, чтобы в России не занимались изучением религии, но к несчастью в общем, это изучение начинали не с того конца, с которого следовало бы его начинать: у нас давно и усердно занимались и занимаются философией религии и очень недавно, и немногие (некоторых из этих немногих, мы назвали выше) стали изучать саму религию, т. е. у нас очень давно объясняли факт, но только недавно стали с ним знакомиться. В вопросе о религии у нас, до последнего времени, было два направления: одно – рационалистическое, не имевшее за собой никаких знаний и никакой науки, другое – православно-христианское, имевшее под

собой твердую почву в знании философии и православного богословия, но однако тоже чуждое знаний в области истории религий. Все произведения первого направления канули в лету, некоторые из произведений второго рода доселе читаются с пользой и интересом (наприм., Кудрявцева В. Д. – Религия, ее сущность и происхождение), но и они имеют значение не как исследование, дающее положительное решение вопроса, а как основательное опровержение рационалистических, деистических и пантеистических воззрений на религию: они содержат в себе критику различных философских представлений о религии, а не анализ религиозного сознания и чувства различных народов, как они выразились в исторически известных религиях. Философия религии получила на западе широкое развитие со времени реформации. Там, когда люди стали терять веру, они начали размышлять и спорить о вере. Эти размышления и споры явились, однако там, не результатом досуга, а стремлением удовлетворить практические нужды: религиозные раздоры отравляли жизнь и благополучие народов. Нужно было подумать о том, как уничтожить их? Какое предложить учение, которое могло бы удовлетворить всех? У нас философия религии явилась в XVIII столетии, когда в высших общественных кругах стало распространяться неверие и явилась, как протест против этого неверия. Философия религии у нас с самого начала стала апологетикой и такой оставалась до последнего времени. Это, конечно, было хорошо, но не хорошо было то, что она была только апологетикой и что не всегда рациональным являлся ее метод, она сузила свое содержание рассмотрением только важнейших христианских истин; и философы религии, повидимому думали, что исключительно путем рассмотрения и анализа этих истин, легко можно обосновать их и многие дело этого обоснования совершали очень наивным образом: истины эти в их исследованиях предполагались неизвестными, и они подходили к ним путем постепенного устранения (элиминации) делаемых вместо них ложных предположений (так, о мире делалось предположение, что он самобытен, о душе, – что она функция тела и т. п., пока не доходили до догмата творения или до признания самостоятельности духовного начала). Этот метод искания известного, конечно, не мог казаться убедительным противникам. Но если этот метод должно поставить в вину авторам исследований, то их нельзя упрекать за содержание их исследований. И их учителя, западные философы религии, не изучали религии, но или защищали богооткровенную религию, или искажали и отрицали ее, каждый, сообразуясь исключительно с своей настроенностью. Нужно было придти к сознанию истины и теперь, кажется, к ней приходят, что самым

лучшим образом может быть доказана истинность христианской религии, когда будут изучены религии языческие, когда религия будет изучена во всех ее разнообразных проявлениях в роде человеческом. Религия есть учение и деятельность и как учение, и как деятельность, она проявляется в весьма разнообразных формах. Существуют религии без Бога, без идеи нравственного мздовоздаяния, без учения о бессмертии. Исследование истории религиозных учений показало бы философам религии, что в религиозные учения – будут ли они возвышенными или низменными – всегда прокрадывались элементы, которые должно назвать патологическими, всегда в них прокрадывалась историческая ложь – мифы (ложные повествования о явлениях религиозного характера и о религиозной деятельности лиц). Есть что-то паралогическое в духовной природе людей, что заставляет, даже лучших из них, сочинять чудеса и окружать ложно преувеличенным ореолом чудотворцев. Такой исторической лжи нет только в богооткровенной религии, но не, потому что последователи ее не были склонны к ней и среди них во имя самых добрых намерений быстро создавались ложные сказания, но, потому что здесь истину охраняет святая церковь. Понятия церкви, как хранительницы истины, не затрагивали наши философы религии. Они говорили о какой-то абстрактной никогда не существовавшей религии, которая всегда и везде признавалась всеми народами, и они в общем, заметно, склонялись к определению, что религия есть мирообъяснение, т. е. учение, говорящее о происхождении и назначении вещей, но так как религия, как учение, должна в сущности объяснить все и так как у различных народов она объясняла и говорила совсем о различном (в буддизме – мы разумеем первоначальный буддизм – вероучение имело в виду объяснить человеку его духовную природу и ее стремление, в германских сагах вероучение рассказывало человеку о жизни богов, почти не касаясь вопроса о зависимости от них нравственного миропорядка), то дать определение религии, подходящее ко всем религиям, для философов оказывалось невозможным.

От исследования религии, как деятельности, философы уклонялись. Нисхождение Бога к человеку и восхождение человека к Богу, вот – в чем должна заключаться религиозная история человечества. Божественное откровение, промышление, ниспослание благодатных даров со стороны Бога человеку, индивидуальное и соборное усвоение человеком ниспосылаемого Богом, этот процесс философы последнего времени затрагивали менее, чем мыслители давно прошедших веков. В первые века христианской веры, неоплатоники учили об экстазе, как о способе

соединения с Божеством, а в средние века философы усердно разрабатывали теорию экстаза и Альгацалли дал блестящее учение об экстазе, как высшем способе богопознания. Если бы наши философы религии, оставив даже историю религий, обратились только к истории христианской церкви, то и там бы они встретили явления, которые должны были расширить их представления о религии, как деятельности и о религиозном подъеме духа. Разумею спор варлаамитов и паламитов, имевший за собой долгую предварительную историю. Если бы за тем, они обратились к истории религиозной жизни народов, то в последовательном ходе этой жизни, как и в последовательном развитии религиозных учений, они увидели бы приращение патологических элементов – приращение неизбежное, свидетельствующее о болезненном состоянии духовной природы человека. Приметы, гадания, колдовство, из видов которого самым характерным и преобладающим являются заговоры, неизбежно пускаются в ход людьми самых различных религий. У людей бессознательно развивается и вырастает убеждение, что богами управляет сила заклинаний. В *Revue Biblique* недавно опубликован халдейский псалом, в котором молящийся надеется низвести к себе Божество *силой своих песен*. Таким же характером отличаются многие индусские гимны и такое же значение многими народами приписывалось обрядам и формулам, формула произносилась и высшие силы подчинялись воле произносившего. Так как подобные воззрения просвечивают в древнейших частях древнейших литературных памятников, то это подало повод многим исследователям, по истории религий, думать, что заговор есть первичная форма молитвы. Если бы философы изучали историю религий, они, думаем, давно бы опровергли такое предположение. Психологически легко понять, как заговор мог возникнуть из молитвы, но трудно объяснить обратный процесс. Представим себе отвлеченно общество людей с сильно развитым религиозным чувством, такое общество обыкновенно предлагает Богу свою душевную настроенность и не заботится о строгой формулировке обрядов, и размеренности поклонов, за всем тем, чувства одушевляющие общество, конечно, должны выражаться в словах и действиях. Но обыкновенно бывает, что высокий подъем духа не держится в обществе долго и постепенно понижается и ослабевает в последующих поколениях. Тогда эти поколения, сохранив привычку служить Богу, будут приносить Богу то, что легче всего приносить – не сердце сокрушенно и дух уничижен, а только слова, которыми их отцы говорили о своем сокрушенном сердце и уничиженном духе, они будут заботиться не о том, чтобы их молитвенный вопль исходил из сердца, а о

том, чтобы молитва приносилась в определенных выражениях, так символ будет постепенно вытеснять идею и обрядовые действия будут заменять собой сердечные помышления. Тогда постепенно разовьется мысль, что за обряд и слова молитвы, Божество обязано подавать такие или иные благодеяния, отсюда получится и тот вывод, что посредством заговоров можно управлять Божеством. Если, мы теперь от этой психологической возможности обратимся к исторической действительности, то увидим, что так бывало и бывало много раз. Обряды, возникшие в христианской церкви, первоначально служили выражением одушевлявшего христиан благочестивого чувства, но впоследствии многие стали обращать внимание на одни обряды, о чистоте же сердца не радеть. Равным образом, в магометанстве тот подъем духа, который характеризовал его в начале, совершенно исчез впоследствии: омовения сменили собой фанатизм. Взгляд на заговор, как на первичную форму молитвы, возник по двум причинам: во 1), как мы уже говорили, потому что в древнейших литературных и исторических памятниках, заговор является действительно первичной формой молитвы; во 2), потому что в истории известно много случаев, когда религиозный формализм вызывал против себя протест и обличения, и таким образом, развитие внешней обрядности предшествовало появлению искренней религиозности. Но во 1), религия, отражающаяся в древнейших письменных памятниках, не есть древнейшая религия, ибо религия несомненно, явилась раньше, чем явилась литература. Во 2), реакция против обрядности повторялась и будет повторяться неоднократно, и сами формы, в которых она обыкновенно происходит, отрицают то, чтобы формализм считался первичной формой религии. Когда Лютер или Цвингли восставали против крайнего развития обрядности в католицизме, они восставали во имя первоначального христианства, а не говорили, что они идут против его первоначальной формы. Но, философы религии мало размышляли над историческими религиозными явлениями и не вдумывались, а потому и не объясняли, отчего из благих начинаний или даже повидимому, самые благие начинания в области религии приводили к печальным явлениям. Во многих религиях возникли уродливо-болезненные формы мистицизма (созерцание факиров, ведущее к блаженному погружению в небытие Браммы, стигмации католических святых). Изучение истории религий показывает, что религиозный исторический процесс совершался во многих странах и у многих народов, по аналогичным путям и далеко не все эти пути вели к небу. Должно отметить еще, что всегда через некоторый период на этих путях заблуждения раздавались голоса, призывавшие

вернуться на путь правый. Философы религии должны были изучить все эти сложные и многообразные явления в религиозной жизни народов и движение этой жизни, но они, решив о ргіогі основные вопросы религии, затем подгоняли случайно узнанные ими отрывочные факты из истории разных религий в подтверждение своих взглядов. Философ должен иметь свои религиозные убеждения и православный философ имеет их православные, но для того, чтобы понять убеждения других, он должен узнать, что их породило и для того, чтобы доказать истинность своих убеждений и раскрыть заблуждения других, он должен познакомиться, как можно с большим числом различных религиозных убеждений, должен узнать различные виды религиозной совести. Только история религий – строгая и добросовестная – обнажает эту совесть и к этой истории должен обратиться философ, чтобы получить данные для ответа на вопрос, что есть и чем должна быть религия?

Изучение истории религий, по нашему мнению, дает обильный апологетический материал и внушает самые отрадные надежды изучающему. Прежде всего это изучение открывает нам, что религии, как они открываются во вне, суть выражение неистребимого стремления человеческого духа к бесконечному благу. Человек не может удовлетвориться теми благами, которые дает или может дать ему земля, он даже не может представить себе того идеального порядка, при котором можно бы было воскликнуть: «счастливей миг, продлись ты вечно». Человек желает теснейшего единения душ в любви, а не того внешнего взаимодействия, которое возможно на земле, он желает нового неба и новой земли. Правда, попытки нарисовать и представить это небо у него всегда оказывались неудачными: Элизиум, жилище Озириса, Валгалла, рай Магомета или Буян-остров славян, все это оказывается земным и от всего этого веет прахом. Все это – описания цветов, сделанные слепыми, но все эти описания показывают, что в сердцах этих слепых живет неистребимая вера в существование света. Эта вера слышится во всех религиях, она есть то драгоценное зерно, которое скрывается под чудовищной мифологией восточного и западного мира. Говорят: *Чудный жемчуг Иордана, мир фальшивым подменил.*

Богооткровенная истина в религиях заменилась человеческими лжеучениями. Истинный жемчуг заменили фальшивым, но ведь и фальшивый жемчуг подобен жемчугу. Эту истину, к сожалению, часто забывали неумеренные апологеты истинной религии, через чур усердно нападая на религии ложные. Согласно их суждениям и оценке получалось, что языческие религии хуже атеизма. Это заключение ведет за собой два

вывода: 1), что народы легко могут жить без религии, если живут, исповедуя религии худшие, чем атеизм; 2), что для принятия истинной религии ненужно никакого предварительного приближения к религиозной истине. Выводы эти плохо согласуются с учебниками тех же апологетов, в каких учебниках говорится о религии, как всеобщем и необходимом явлении в роде человеческого. Но, если эти выводы не могут удержать апологетов от их заключений, то от них должна удержать их история религий. Внимательное изучение ее должно показать им, что не только фальшивый жемчуг ложных религий представляет собой некоторое подобие жемчугу религии истинной, но что в них остались крупички и истинного жемчуга.

Первая истина, в которой утверждает изучение истории религий, состоит в том, что религия есть необходимая потребность человеческого духа. Но не все религии в равной мере удовлетворяют эту потребность. И вот, вторая истина, выносимая из изучения религий, говорит: только христианская религия вполне удовлетворяет эту потребность человеческого духа. Религии, которые погибли, уже тем, что они погибли, свидетельствуют, что они не заключали в себе истины. Религия ассирийцев и вавилонян с своей натуралистической и астрономической мифологией, с своей наивной магией и астрологией давно перестала пленять ум и сердце народов. Религия египтян, прошедшая много фаз в своем историческом развитии, умерла незаметной смертью, постепенно принимая в себя новые и чуждые элементы, и теряя старые. Религия Эллады с ее жизнерадостными, светлыми и лучезарными богами, так много говорящая чувству прекрасного и так мало касающаяся великих мировых проблем, не могла служить для религиозного обихода людей, лишь только, они вышли из юного возраста. Религия римлян, поскольку она была чисто римской, была религией понятий и когда люди развились, они достойно оценили логическую силу этих понятий, но отняли у них божеское достоинство. Так, постепенно зревшая мысль и повышавшаяся религиозная чуткость, рыли могилу религиям языческого мира. В немецкой саге *Götterdämmerung* с трагической силой выражено предчувствие гибели языческих богов. Великие знамения возвестят о приближении этой катастрофы: ужасная продолжительная зима, страшные раздоры и убийства между людьми. Отцы не будут щадить детей, брат не будет щадить брата. Злые и враждебные силы, дотоле стесненные, тогда начнут действовать с ужасающей энергией, они выступят против богов, явятся великаны, титанические силы земли, явится Сутр, владыка огненного мира с своими войсками, наконец явится Локи (бог зла) с волком подземного

мира, с змеей Мидгар и со всеми приверженцами богини Гель (богини ада). Волк Фенрир будет стараться проглотить небо и солнце, луну и звезды, змея поглотит землю. Боги выступят на борьбу с темными силами, Азы (род добрых богов) выступят на борьбу с Локи и его родом, и в этой борьбе погибнут те и другие. Волк Фенрир проглотит Одина (верховного бога) и Локи погибнет последним.

Эта гибель богов уже совершилась. Религии древних германцев не исповедует никто, однако и ныне люди почитают не одного Бога и Христа Его, но на земле существует много вер и менее 1/3 человечества носит имя христиан. Но это разнообразие верований и данные религиозной статистики не заставят исследователя затеряться в сравнительной оценке достоинства религий. Истинная религия есть та, которая проповедует совершенствование и указывает человеку путь к достижению высшего назначения. Но из существующих религий браманизм и буддизм, не смотря на то, что религиозная статистика насчитывает последователей первого 140 миллионов, а второго – 500 миллионов, отрицают высшее назначение человека. Это – религии или духовных самоубийц, или религии каких-то полу-мистических забав и полу-рационалистических фантазий (Брама-Сомай, теософическое общество). Здоровому духу они не дадут здоровой духовной пищи. Далее, следует ислам – религия, насчитывающая более 120 миллионов последователей и совсем не догадывающаяся о существовании высших идеалов. Коран содержит в себе много хороших и дельных правил, но уча, как хорошо и честно жить на земле, он как-то не направляет дух к небу. Самая поздняя по времени появления из всемирных религий, магометанство восприняло в себя, главным образом, самые ранние из ветхозаветных откровений. Это – религия отсталой части человечества. Отсталой, но не павшей; к несчастью на земле гораздо более двухсот миллионов людей глубоко пало в духовном отношении и исповедуемые ими религии направляются уже не к идеалу, а от идеала, их верования носят извращенный характер, в этих верованиях еще остались крупинцы истины, как и в сердцах исповедующих их, осталась способность чувствовать истину. Но, эти не многие лучи дают так мало тепла и света, что они не могут даже поддержать существования дикарей-язычников и они, оттесняемые людьми культуры, рассеиваются.

Грустно, в диком беспорядке,

Как обрывки туч от бури,

Как сухие листья в осень,

Разметаемые ветром.

Человек может постепенно терять образ Божий, но он не может жить,

потеряв его совсем. Духовная деградация ведет за собой физическое вырождение и гибель. Дикари вымирают, вымирают и их верования. Но, кроме дикарей-язычников магометан, браманистов и буддистов, конфуциан (в Китае они смешиваются с буддистами), на земле еще есть миллионы 8 иудеев, верования которых представляют извращение ветхозаветного откровения, около 160 тысяч парсов или гебров, далеко не в чистом виде, сохраняющих учение маздеизма и наконец, около 450 миллионов христиан, девиз которых – обладание истиной и служение добру. Враг рода человеческого и в их обществе посеял плевелы. Одни крайне преувеличили индивидуальные силы человеческого разума и признали за каждым право свободы в исследовании истины, и оценке предлагаемых учений, они крайне преувеличили и нравственную независимость человека, поставив дело его нравственного усовершенствования в исключительную зависимость от него одного. Другие, напротив, потребовали от человека безусловного подчинения, как в деле понимания веры, так и в практической деятельности. Первые, ценя так высоко силы духа человеческого, не придали значения в религии культу, как вещественному началу религии, вторые, напротив, считая человека крайне слабым, в культе (обрядов, церемониях), через тело воздействующем на дух, увидели могущественное средство для того, чтобы его поднять. Первые, лишив человека критерия, которым он мог бы проверять правильность своих мнений и верований, и отказав ему в надежде на молитвенную помощь других, сделали человека беспомощным в деле спасения, вторые, приказав человеку всецело подчиниться авторитету, внушили ему беспечность. Первые, отвлеченностью своего учения, должны были оттолкнуть сердца, вторые, вещественностью своего культа, оскорбляют умы. Так, ни протестанство, ни католичество не могут дать полного удовлетворения стремлениям человеческого духа и вести его прямым путем к совершенствованию. Это делает православие. Личная свобода и церковный авторитет, буква и дух в нем находятся в полной гармонии, здесь нет места ни чувству беспомощности, ни чувству беспечности, от последователя православия требуется постоянная собранность духа. И протестанство, и католичество, и православие преследуют единую благую цель, единое, что есть на потребу – спасение человека, уподобление человека Христу, Богоуподобление, но протестанство и католичество неправильно оценивают силы человека и потому предлагают ему неверные средства для достижения цели. Протестанство считает человека титаном и предоставляет его самому себе, католичество видит в нем раба и не позволяет сделать ему ни одного

свободного движения. Только православие признает человека таким, каков он есть, представляет его природу с ее темными и светлыми сторонами, какой она является в действительности, оно не льстит страстям человека и не требует от него, чтобы он одним смелым порывом стяжал себе полную праведность и достиг неба, постепенно и неуклонно оно направляет его к истине, и добру, и воспитывает так, чтобы из гражданина земли настоящей, сделать гражданином земли новой, которую ожидает апостол. Как и все христианские исповедания, православие обращается к своим последователям с словами Христа: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф.5:48), но только одно оно указывает истинно прямой путь к достижению этого совершенства. Вот – вторая истина, которую должен вывести мыслитель из изучения истории религий и исповеданий.

История религий должна дать изучающему веру в религиозную истину, но кроме того, она дает ему твердые основания для надежды на торжество этой истины. История религий показывает, что на пространстве веков в общем человечество прогрессировало, богосознание и правосознание возвышались. Это прогрессивное движение не было прямолинейным: за религиозно-нравственным подъемом духа следовала обыкновенно реакция, но каждая последующая реакция была уже не полным, а лишь умеренным поворотом к прошедшему и каждый последующий подъем духа был значительно шире и глубже предыдущего. Религия перво-арийцев, следы которой наиболее сохранились в первоначальном учении маздеизма и древнейших ведах, заключала в себе много хороших нравственных правил и не налагала тяжелого бремени на ее последователей. Браманизм осложнил ее бременами тяжкими и неудобноносимыми. Внешних проявлений религиозности требовалось очень много, но о внутренней доброй настроенности позабыли. Подобный фазис переживали и другие религии. Люди, переживающие этот фазис, обыкновенно именуют себя благочестивыми и по внешности религия тогда торжествует. Но, каждому из таких благочестивых может быть сказано то, что было сказано некогда ангелу сардийской церкви: «ты носишь имя будто жив, но ты мертв» (Апок.3:1). Это самый печальный фазис в истории религиозного развития. К счастью, он не может продолжаться долго: человек, ведь, не только плох, но и хорош, он не только устает в служении добродетели, но и возмущается пороком. Когда торжествует буква, о мертвящем значении которой учит нас Писание, всегда, как то бывает, что эта буква одним дает очень много прав, а на других налагает очень много обязанностей. Последние постепенно начинают возмущаться

своим положением и мало по малу, готовятся те движения, которые в истории известны под именем реформаций. Поднимаются протесты против существующего положения вещей. Эти протесты имели место не только в религиях естественных, но и в религии богооткровенной, об этом свидетельствуют писания пророков. Западный рационализм видит в них предшественников закона, но на самом деле они протестовали против неисполнения и против формализма в исполнении закона. Богооткровенная религия непогрешима, как учение, но человечество, понятно, не может осуществлять ее требования непогрешимым образом. Жаль только, что это погрешительное осуществление религиозных требований, часто ставили в упрек самой религии, у нас это происходит теперь постоянно. В религиях естественных реформаций тоже обыкновенно направлялись на искоренение плохого, при чем реформы часто далеко переходили за те пределы, которые намечали себе сначала. Река в половодье редко удерживается в берегах, обыкновенно она заливают окрестное пространство и ломает, и уносит все то, что было на этом пространстве. Такое действие часто производили и реформации. Но половодье не продолжается долго и реформации не долго имеют лихорадочный характер, мало по малу, они принимают спокойный вид. Однако там, где они возникли, уже трудно восстановить религиозное оцепенение. Там возникает брожение. Процесс религиозного развития продолжается, он может замедляться, в него всегда прокрадывается, что-нибудь болезненное, но в общем свет религиозной истины, чем далее, тем более разгорается в очах человеческих. Заблуждения исчезают, нравственные требования повышаются. Это должно наполнять утешением сердце людей любящих человечество, должно ободрять их в их движении по пути жизни. Правда, прогрессивно-религиозное движение не захватывало никогда в своем течении всего человечества, в русло этого движения вступала и вступает его лучшая часть, а вне его, по всевозможным путям, двигается религиозно больное и неверующее человечество. На это приходится смотреть со скорбью, но без смущения. Это печальные тени, но все более и более разгорающийся свет добра внушает надежду, что некогда солнцем правды, они будут рассеяны совершенно.

Так, изучение истории религий, по нашему мнению, должно приводить к истине и утверждать в надежде на ее торжество. Такие результаты изучения, без сомнения, делают историю религий предметом преимущественно достойным изучения. Но доселе, к сожалению, она не сделалась таким предметом; история религии у нас в России нигде не

преподается, как самостоятельный предмет; на историко-филологическом факультете университетов, она примыкает к наукам историческим, в духовных академиях, она соединяется с богословием, но и там и здесь, ей отводится менее, чем второстепенное место. Думаем, что так не должно быть в будущем. Религия есть не только исторический факт, но и исторический фактор и фактор очень важный, очевидно, для того, чтобы правильно оценить его значение, историку нужно не только исследовать его в связи с другими факторами, но и взглянуть на него изолированно. Тем более, богословам нельзя знакомиться с историей религий мимоходом. Мысль о необходимости для них знать вне-христианские религиозные учения, видно, уже сознана. Хотя в духовных семинариях и нет кафедры по истории религий, но характеристика и оценка, важнейших религиозных систем, введена в программу по Введению в Богословие. Точно также, из программ представленных профессорами Академий в Святейший Синод видно, что трое из четверых нашли нужным ввести в курс своих чтений, трактат о религиях. Но, не трудно также видеть, что союз истории религий с Введением в Богословие может быть только искусственным. Задача Введения в Богословие – выяснить и обосновать существенные истины религии; очевидно, для выполнения этой задачи Введение в Богословие может пользоваться выводами из истории религий, но не должно заниматься самостоятельно разработкой этой истории. У Введения в Богословие много иных задач и для выполнения некоторых из них, гораздо нужнее знание иных наук, чем истории религий, но те науки не вводятся в программу Введения в Богословие, потому что они изучаются самостоятельно, а историю религий присоединили сюда, потому что больше присоединить ее некуда, а самостоятельного места ей не дали. Но было бы лучше и в логическом и в практическом отношении, если бы она была выделена в особый предмет. Это можно сделать, не производя никаких затрат (хотя, конечно, если на это дело произвести затраты, то они окупятся с великим избытком). Не говоря уже о семинариях и в академиях не для каждой научной ветви существует особая кафедра, но некоторые предметы по два преподаются одним наставником (логика и философия, пастырское Богословие и педагогика, Библейская археология и еврейский язык, церковная археология и литургия и т. д.), точно также и историю религий мог бы преподавать профессор Введения в Богословие, но только непременно, как особую науку. Логически трудно связать историю религий с Введением в Богословие. В одной из академических программ по Введению в Богословие, мы видим, совсем отсутствует трактат о религиях вне-откровенных. В программе по

Введению в Богословие для духовных семинарий, рассуждение «о религиях вне христианства», не связано органически с курсом, а помещено в прибавлении и пишущий эти строки, на вопрос предложенный им на приемных испытаниях в духовную академию по Введению в Богословие: «для чего в эту науку входит обозрение религий естественных?», услышал ответ: «да, ведь о них говорится в приложении». Отвечающий не только не решил для себя этого вопроса, но в виду того, что дело идет о прибавлении, повидимому считал лишним его ставить. Но, если даже с грехом пополам и связать историю, и обозрение религий с Введением в Богословие, то это соединение не может быть произведено без ущерба для истории религий. История религий, как часть Введения в Богословие, должна служить только интересам и задачам последней науки, но на самом деле, история религий дает материал и нужные сведения для многих богословских наук; церковной истории приходится считаться с мнением о происхождении некоторых элементов христианского вероучения из языческой теософии и языческих мистерий, литургике приходится иметь дело с теорией происхождения христианских обрядов из языческих и т. д. Введению в Богословие нет возможности заниматься обсуждением всех этих вопросов, неудобно и церковной истории и археологии, или литургике обсуждать вопросы о взаимоотношении языческих верований, учений и обрядов, и вероучения и обрядов христианских, потому что такое обсуждение для того, чтобы быть ясным и обоснованным, должно опираться на подробную характеристику языческих верований, а такой характеристики совсем нет места в науках, имеющих совершенно специальный предмет. Очевидно, самое удобное, предпослать этим наукам курс по истории религий, и из этого курса и философия религии, и церковная история, и литургика будут черпать – каждая – то, что ей полезно и нужно.

При одном недельном уроке в семинариях и при одной лекции в неделю в Академиях можно было бы в достаточной мере познакомить воспитанников с историей религий. Семинарский курс заключал бы в себе с небольшим 100, а академический, приблизительно 300 с чем-либо страниц. Этот курс был бы полезен и для богословско-философского развития учащихся и в их дальнейшей практической деятельности при встрече с нашими самочинными учителями религии и их последователями. Одинаково не зная ни христианской ни языческой религий, наши отечественные рационалисты, обыкновенно идеализируют последние. Этой фантастической идеализации нужно противопоставить правильный взгляд на дело. Но, здесь должно опасаться впасть в другую

крайность, в которую часто впадали и впадают наши богословы; нужно остерегаться, чтобы не подпасть, в своих суждениях о языческих религиях, влиянию предвзятых идей. Без предвзятых идей, собственно говоря, невозможно никакое исследование, но эти идеи нужно проверять путем исследования, а не ограничивать исследование собиранием фактов, подтверждающих эти идеи. В нашей учебной литературе по истории религий можно отметить, как недостатки, стремление характеризовать языческие религии через чур мрачными красками и все то, что в них встречается хорошего, объяснять, как отголосок первооткровения. Последняя тенденция до последнего времени присуща и многим католическим и лютеранским авторам. Но, как не следует отрицать и унижать то хорошее, что было у язычников, так не следует и спешить выводить его происхождение из откровения, данного патриархам. В языческих религиях встречаются монотеистические положения, не должно думать, что это непременно историческое воспоминание, монотеизм может возникнуть и как философская идея. У американских индейцев нашли предания сходные с библейскими, несомненно, что это – не отголосок первооткровения, а принявшие туземную окраску, рассказы миссионеров. В других случаях, сказания, сходные с библейскими, являются отголоском событий местных. Таковы, напри., греческие сказания о потопе. Между тем, апологеты чрезвычайно злоупотребляли и злоупотребляют доселе ссылками на предания народов, как подтверждающие недавнее разъединение человеческих племен. В некоторой мере, эти ссылки могут быть допускаемы, но далеко не в той, в какой их допускают Эббард Криг и другие. Вообще не нужно спешить с ложными выводами, нужно искать только истины, прочее приложится само собой.

Примечания

¹ - Подробный отзыв об одной из таких книг (истории религии Мензиса) дан нами в «Богословском Вестнике» в статье «Религия, как предмет исторического и философского изучения» (май, июнь, июль 1897 г.).

Содержание

Религия как предмет изучения профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
Примечания	15